такое-то лето бысть сеча зла. Причиною же всему тому было честолюбие и корыстолюбие. Всяк хотел выше других себя выставить, и всяк стремился чужое отнять и свое умножить» (I, 122—123).

В восприятии и оценке причин трагических событий древней истории Руси, связанных с татаро-монгольским игом, Платон остается человеком XVIII в., эпохи успехов российской государственности, совпавших со временем абсолютизма. Благотворность монархической системы власти в условиях России для него была несомненна. Неотвратимость ига как следствия княжеских междоусобиц вытекала из того, что «не было единодержавия, чтоб все князи Российские единому Государю были подвластны» (I, 121).

В то же время как священнослужитель Платон не мог не задумываться над провиденциальным аспектом этого исторического события. И здесь идея воздаяния как меры ответственности воцерковленных, т. е. православных, русских людей за свои деяния выступала для него на первый план. «Пишущему Церковную историю позволительно взойти в сие рассуждение, почему Христова вера в князьях Российских яко Христианах мало действовала. ⟨...⟩ Смотря на толь лютые и непрестанные междоусобия, видится, что о прямом основании Христианства были князи и другие властелины несведущи и духом Евангелия не были просвещены. У многих вера состояла только в одной наружности, в одних внешних обрядах; переменен наружной вид, но не переменилася душа» (I, 125—126).

Доля вины за подобное положение лежала, по мнению Платона, на православном духовенстве. «Владимир по ревности поспешил, а духовные греческие ради были, чтоб из язычников сделать Христианами чрез святое крещение. Ибо сие есть гораздо легче, нежели чтоб правилами Евангелия просветить каждого мысль, насадить в сердце плодоносную веру. ⟨...⟩ по крещении духовенство Российское имело необходимый долг таковым учением просвещать новонасажденных Христиан. Но едва ли оно с надлежащей ревностью свой долг исполняло» (I, 127).

С позиции христианского провиденциализма оценивает митрополит Платон и судьбу семьи Бориса Годунова, поскольку полностью разделяет версию об ответственности этого царя за смерть царевича Димитрия. Идея воздаяния за страшный грех, засвидетельствованная в летописях, не только определяет трактовку описываемых в его «Истории» событий, но и принимается им как неизбежное проявление Божественного промысла. Рассказав в подробностях о жесткой расправе с сыном и вдовой Годунова, об осквернении самозванцем его дочери, Платон заключает: «Зрите, восклицают наши Летописцы, судьбы Божии страшные и праведные. Убийца неповинного Царевича отравлен или сам себя умертвил. Сын его, хотя неповинный, но за неповинного предан в жерт-